

«МЕНЯ ОБВИНЯЮТ в желании «шокировать» людей. Ничего подобного! Я не сочинил ни одной песни с намерением шокировать кого бы то ни было. С другой стороны, меня всегда удивляет одна вещь: «шокированными» оказываются всегда богачи, буржуа, которые не видят, однако, ничего шокирующего в том, что они эксплуатируют рабочий класс, извлекая из него максимальную выгоду, которую они опять же нисколько не стесняются использовать в личных целях. Но стоит им услышать «грубые слова», как они сразу же рвутся защищать мораль. Скажите же, чем здесь пахнет: моралью или лицемерием?».

Чей это голос? Это голос Жака Бреля, одного из лучших французских шансонье наших дней, дающего интервью бельгийской газете «Драпо руж». Через несколько дней Жак Брель приедет в Москву. Кто же он, Жак Брель?

БРЕЛЬ родился в 1929 году в Брабанте, в одном из самых отдаленных уголков этой бельгийской провинции, на стыке фламандского и валлонского районов. На севере там говорят по-фламандски, на юге — по-французски. Семья Бреля — католики-буржуа, фламандцы по происхождению. Но в настоящее время французский язык — не только язык половины бель-

гийского населения, но и средство общения между всеми разноязычными элементами страны. Детство Бреля было самым обыкновенным, прошло оно частично в Брюсселе, омраченное немецкой оккупацией. Брюсселе, где ни у кого «не было охоты ни мечтать, ни петь», как впоследствии выразится сам артист в одной из своих песен, воскрешающих город его юности. Учиться он ходил в

Жаку не было и двадцати лет, когда он сделался своим в мире «деловых людей», среди которых он должен был занять место отца. Но он совсем не был расположен усердствовать после всего того, что он узнал об этом «мире». «Неужто нельзя жить иначе, как сидят?» — воскликнет он позднее, вспоминая об этой поре. Юноша рвет с посредственностью окружающей его

подлинной человечностью, чисто юношеской горячностью и свежестью.

Брель говорит:
Блажен, кто для детей поет.
Кто слезы радости не прячет.
Кто любит — любит, не плутует!
Чья юность — только для любви...

Если ему приходится говорить о горестях любви, — да и тогда он

Брель хочет, чтобы люди жили стоя, а не на коленях. Он бичует низость, подлость, фанатизм. И у Бреля это не поза, а такая же потребность, как воздух. Не случайно, подобно другому поэту, больше всего певец удивляется тому,

Что храбрецом теперь слывет,
Кто просто честен и не врет,
Живет без подлости и склоки...

Брель воспевае свою родину. Да почему бы и нет, в самом деле! «Я единственный, кто воспевае эту страду. Но разве стыдно быть бельгийцем?» — сказал он, однажды, удивляясь по поводу восторгов публики за границей, которые от него впервые узнали о такой чудесной стране. В «Равнинном крае» Брель посвятил матери-Фландрии строки, от которых бы не отрекся, конечно, и сам Эмиль Верхарн:

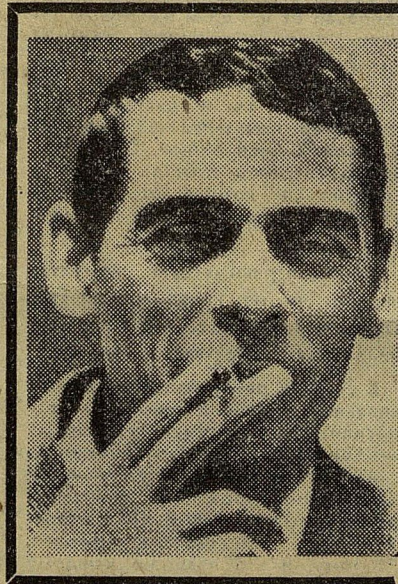
О, Фландрия, где небеса нависли,
Где стекутся туманы по земле,
Где плоская земля и старые соборы —

Куда ни взглянь —
единственные горы.
Химеры колоколен в облаках
В пронзительных купаются ветрах.
Прислушайтесь же все: звенит,
поет
Равнинный край, где все мое живет.

Жак Брель снискал заслуженную репутацию настоящего, большого поэта. Гуманизм, любовь к людям — его ведущая тема, и он давно уже занял почетное место среди тех, кто борется за счастье.

Чудесно, что здесь, в СССР, именно Жак Брель выступает как представитель лучших традиций бельгийского народа и французской культуры.

Жан-Мари ШОВЬЕ,
бельгийский журналист.

старый католический колледж. То была пора прогулок...

Свистки шпиков, вороний крик —
Вот музыка прогулок наших.
Молчанье было наш язык...

КТО ВЫ, ЖАК БРЕЛЬ?

жизни. Он следует велению сердца, которое ведет его по тернистым тропам жизни художника. Подобно большинству своих соотечественников — артистов, говорящих по-французски, он едет в Париж чтобы попытаться счастья. «Попытки» длятся немало лет: для Бреля это были годы лишений, болезней. Но он не отчаивается — и торжествует. Одна из первых его имевших успех песен называется «Большой Жак», смысл которой — «Жак, ты не можешь плутовать с жизнью!». И вскоре Жак сделался одним из «идолов», самых популярных песенников. Но это не значит, что он стал одним из длинного списка фабрикантов глупой и шумной песенной белиберды. Нет, Брель защищает настоящую песню. С первых же шагов он становится одним из лучших представителей лучших традиций французской песни, в которую он внес свой оригинальный, бельгийский вклад. Его творчество не просто талантливо, а проникнуто самой

свято верит в непреодолимую силу нежности, — то ему удается придать этому слову «любовь» всечеловеческие масштабы. Для него любовь должна «покопаться с нищетой окраины», «хозяйкой стать судеб», и «с мушкетером толковать на равных». Такую любовь можно предложить тем, кто «всегда в бою за свет и счастье».

Для Бреля это чувство слишком сильно, слишком важно, и недаром в одной из своих песен он восклицает (песня «Зачем?»):

Треск барабанов, зов трубы —
Зачем они? Зачем цветы?
Зачем толпятся на перроне
Буржуа, — и зачем в вагоне
Солдаты серые, штыки.
Винтовки, ранцы, котелки?
На бой идти им суждено —
Спасать буржуев. — Ах!

Эта песня вместе со столькими другими клеймит мерзости войны и призывает тот день, когда солдаты станут «цветы кидать, а не гранаты».

Брель пел их в Хельсинки на фестивале молодежи в 1963 году. Его песня «Зачем?» прозвучала как крик души. Но не просто крик, а призыв, обращение к совести многих молодых бельгийцев, которые давно уже напевают его песни везде, даже во время походов за запрещение атомной бомбы.